

Тургенев Александр Иванович

**Письма Александра Тургенева
Булгаковым**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
А46

А46 **Александр Иванович Т.**
Письма Александра Тургенева Булгаковым / Тургенев Александр Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 398 с.

ISBN 978-5-519-77909-8

История. Исторические науки -- История исторической науки -- История исторической
науки в России -- История исторической науки в период феодализма -- Период 18 в. -
1 половины 19 в. -- Биографии историков -- Тургенев, Александр Иванович (1784-1845) -
историк -- Переписка, История. Исторические науки -- Россия -- Период феодализма
(4 в.-1861 г.) -- Период разложения и кризиса феодализма (с конца 90-х гг. 18 в. до 1861 г.)
-- Персоналии государственных и общественно-политических деятелей -- Булгаковы, род
-- Переписка,

ISBN 978-5-519-77909-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

зование, карьеру, состояние. Это заставило его на двадцать лет втянуться в административную деятельность и связать себя с великосветским и административным Петербургом.

Третий брат, Николай (1789—1871), известный декабрист «без декабря». Его жизнь и деятельность является предметом особого изучения, о нем имеется большая литература и ряд специальных монографий (Тарасова, Шебунина и др.), и потому мы здесь будем говорить о нем лишь вскользь, поскольку его идейная или жизненная тема совпадает с темой Александра.

Четвертый брат, Сергей (1790—1827), единомышленник Н. И., убежденный враг деспотизма и крепостничества. Он прошел обычный для тургеневской семьи путь образования и службы (Университетский благородный пансион, Архив коллегии иностранных дел, студенческие годы в Геттингене, затем служба в министерствах и в русских зарубежных миссиях). Александр постоянно упоминает о младшем брате, как о предмете своей особой заботы, но все необходимые для понимания текста сведения о нем мы даем попутно, в справочной части нашего комментария.

Первым крупным фактом в жизни братьев Тургеневых, мало памятным даже для старших братьев, была ссылка Ивана Петровича в его Симбирскую деревню Тургенево, последовавшая за арестом Новикова, ликвидацией его издательских начинаний и разгоном его друзей, среди которых на первом месте должны быть названы Иван Владимирович Лопухин, в публикуемой переписке не раз упоминаемый, и Иван Петрович Тургенев. По воцарении Павла I (1796) Иван Петрович был возвращен в Москву и назначен директором Московского университета.

Воспитателем братьев Тургеневых был женевец Георг Кристоф Тоблер, лично знакомый с Гете, родственник Лафатера, с которым переписывались И. П. Тургенев и Карамзин, провозвестник германской литературы в тургеневском кругу, посеявший среди них влечение к образам «Разбойников», «Коварства и любви», «Вертера» и других творений Гете и Шиллера, формировавших сознание передовых представителей дворянской интеллигенции до Герцена включительно (Ср. *Дурылин, Русские писатели у Гете в Веймаре*, гл. IV («А. И. Тургенев и Гете»), стр. 293, «Литературное наследство», вып. 4—6, 1932).

Переехав в Москву, братья Тургеневы оказались в центре литературных интересов: Иван Петрович собрал вокруг себя остатки рассеянного новиковского «Дружеского ученого общества». Помимо братьев Лопухиных, Ивана и Петра, М. И. Невзорова и других масонов к этому «обществу» примыкали вывезенный И. П. Тургеновым еще в 80-х гг. из симбирской глуши Н. М. Карамзин и И. И. Дмитриев — его соседи-помещики, с его помощью нашедшие свою литературную дорогу и занявшие по праву первые места в русской литературе предпушкинской поры. Тургеневы стали воспитанниками Московского университета

(Андрей) и Университетского благородного пансиона (Александр) в 1797—1800 гг. И в университете и в университетском пансионе стали возникать в это время литературные начинания, которых раньше не было и в помине. Как «Собрание воспитанников Московского университета», так и «Собрание воспитанников Университетского благородного пансиона» являются первыми очагами русских литературных движений XIX века. Неудивительно, что параллельно «ученому» обществу старшего поколения и университетским «собраниям» Тургеневы и их друзья в свою очередь образуют литературное сообщество и посвящают ему свое главное внимание. Андрей Тургенев, как старший, был в нем центральной фигурой. Его ближайшими литературными друзьями становятся Жуковский и будущий профессор Мерзляков, а позднее, к 1801 г., возникает уже «Дружеское литературное общество», в котором помимо них принимают участие также Александр Тургенев, будущий журналист Воейков, Андрей Кайсаров, его братья, Родзянко, Офросимов и некоторые другие.

Общество существовало недолго. С 1801 г. начинают отъезжать Андрей и Александр Тургеневы, Андрей Кайсаров; вскоре смерть уносит Андрея Тургенева. Мерзляков, Воейков и другие отпадают, по мере того как выясняется их внутреннее отличие от тургеневского центра, и фактически спаянными глубоко и надолго остаются Александр Тургенев и Жуковский, мировоззрение и жизнь которых корнями своими уходят в эпоху «Дружеского литературного общества». Дружба их охватывает почти столетия. Всю жизнь, когда они жили не в одном городе (что случалось редко), они переписывались, и переписка их составляет интереснейшие страницы русского литературного прошлого. Но, к сожалению, до самого последнего времени ценность этой переписки не была осознана, и в печати имеются лишь письма Жуковского, а письма Тургенева к нему, хранящиеся в тургеневском архиве, включены в работу только теперь и в печати еще не появлялись.

Литературной темой младшего тургеневского кружка были. главным образом, «Вертер» Гете, «Разбойники» и «Коварство и любовь» Шиллера и созвучные им сочинения других немецких поэтов — Коцебу и Виланда, а формой их деятельности — переводная работа. Ввести в оборот русской умственной жизни Гете, Шиллера и современных им писателей — такую задачу ставили перед собой братья Тургеневы и их друзья. Увлечение Андрея Тургенева драмой Шиллера «Коварство и любовь» с участием Сандуновой, разговоры его с Мерзляковым о «Разбойниках» и другие факты, отразившиеся в записях его дневников, говорят нам об исключительном значении этой темы в их умственной жизни. Поэтому неудивительно, что они пытались организовать систематическую переводную работу, что делает их литературные попытки не только увлечением, но сознательным, действительным начинанием.

Чтобы составить представление об Александре Тургеневе в годы его ранней юности, приведем его ранний литературный опыт, набросанный им, когда он был еще тринадцатилетним мальчиком. «Писеска» эта, написанная 14 ноября 1797 г., говорит, между прочим, о том значении, которое имели восходящие к Новикову этико-социальные воззрения Тургенева-отца. Лучшие идеи эпохи идеи Радищева, отразившиеся в этих строках, несомненно дошли до сознания Александра через суждения Ивана Петровича и его друзей.

«10 часов вечера. Сажу один в своей комнате; глаза мои смыкаются, вижу из окошка бледномерцающий свет фонарей. Все вокруг меня спит, все тихо, один сверчок прерывает глубокую тишину. Помышляю о том, что происходит теперь в пространном мире.

Трудолюбивый крестьянин, работавший целый день в поте лица своего, чтобы достать себе кусок черствого хлеба, разделяет его со своею голодною семьею и помышляет, как бы ему не умереть с голоду в будущий день, между тем как празднотлюбивый богач ест самые отборные кушанья, совсем ни о чем не думая.

Добросердечный бедный старец, помолясь богу, ложится на рогожку с своими внучатами и правнучатами; а изысканный юноша протягивается на мягкой постеле, не возблагодаря всевышнего за то, что он провел благополучно минувший день.

Жадный скупец, имеющий множество сокровищ, не может спать спокойно, боясь, чтоб не похитили у него неправдою приобретенного имения. Вот стучится в его двери нищий и просит христарди милостыни, но он с гневом отгоняет его, а несчастный, прослезившись, уходит. Тут попадаетеся ему бедный солдат и подает ему последнюю свою копейку.

Ах! для чего не имеет трудолюбивый крестьянин сих отборных кушаньев, а имеет их празднотлюбивый богач? Для чего не имеет добросердечный бедный старец мягкой постели, а имеет ее изнеженный юноша? Для чего? Тут я невольным образом выведен был из своей задумчивости громким стуком подле моей комнаты. Я гашу почти догорелую свечу, бросаюсь на постель и засыпаю крепким сном.

Любезные читатели!

Вы без сомнения нашли в сем маленьком сочинении множество непростительных погрешностей; но что делать? Я еще в первый раз осмелился сочинять. Простите мне их. Я желал услужить вам от всего моего сердца; но лучше не мог. В другой раз, когда еще осмелюсь что-нибудь написать, то, может быть, буду счастливее!

1797 года. Ноября 14 дня».

В конце января 1802 г. Александр Тургенев уехал вместе с Андреем Кайсаровым в Петербург, а в июле — за границу, в Геттинген. Тургеневы уезжали из России «с душою прямо геттингенской», т. е. воспитанные на лучших образцах германской культуры. Тягу в Германию, осознанную первоначально как тяга в Веймар, разожженную в них Тоблером, они не только испытывали всегда сами, но и передали друзьям.

В одном письме И. Ф. Журавлева к Андрею Тургеневу читаем: «Я был в совершенном энтузиазме (читал статью «*Littérature allemande*» в «*Spectateur du Nord*»); переселялся духом в Германию, не зная ее совершенно... Щастливым называл я тебя, что имеешь надежду жить в блаженной ученой республике... Мы вместе некогда мечтали быть в ней (Германии) неразлучными; вместе энтузиазмом горели пожить несколько в Германии... Сжался, возьми и меня с собою... Я готов заменить одного из твоих лакеев, лишь бы только быть с тобою, быть в блаженной Германии» (АбТ, II, стр. 37).

С Ал. Тургеневым в 1802 г. выехали за границу также И. А. Двигубский, И. П. Воинов и Успенский. Одновременно с ними в Геттингене находились и другие русские: В. И. Фрейганг, Калкау, Гусятников, Яншин, Пилецкий. Таким образом, русские студенты образовали в Геттингене небольшую колонию.

Два года учебной жизни в Геттингене дали Ал. И. Тургеневу определенную специализацию. При всем «энциклопедическом» характере его знаний и интересов, при всем его космополитизме, он был по роду своей деятельности хроникером и историком. Геттинген был известен преимущественно развитием исторических и политических наук, и Шлецер, один из крупнейших историков своего времени, славившийся и в последующих поколениях, был учителем Александра Тургенева, а при отъезде последнего рекомендовал его на степень адъюнкта по историческому классу в Академию наук. Мягкую и податливую природу Ал. И. Тургенева, до того времени насыщенной преимущественно литературой, Шлецер, славный «равно и ученостию и смелостию политическою» (выражение Н. И. Тургенева), незаметно перестроил, и он возвращается в Россию историком-патриотом, готовым посвятить свою жизнь изучению отечественной и славянской истории и собиранию ее памятников. Этой задаче он не изменяет до конца своих дней. Кроме Шлецера и других историков, Тургенев слушал в Геттингене Бутервека, Эйхгорна, И. Ф. Буле (курс философии), лекции по ботанике, медицине, стараясь охватить все многообразие новейшей европейской мысли. Его вдохновляла «свобода духа, не сжимаемая цензурой». «Всею позволено рассуждать, хотя бы то было и о тайной канцелярии», — восклицает он в своем дневнике.

Исторические науки были в центре его занятий. Это видно хотя бы из того, что он вместе с Кайсаровым участвовал в работе Шлецера по изданию его капитального труда о летописце Несторе, а также из статьи его по «древней славяно-русской

истории», напечатанной в 1804 г. в «Северном вестнике» (часть II), и других трудов, следовавших за нею (см. ниже, стр. 22).

Пребывание Ал. И. Тургенева за границей завершилось большим путешествием его по славянским землям, которое он совершил совместно с Андреем Кайсаровым, своим заграничным спутником 1802—1804 гг. Первая большая группа публикуемых здесь писем, если не считать двух самых ранних, относится ко времени этого путешествия. Подробности его изложены в письмах Александра Тургенева к родителям и других материалах, собранных в IV выпуске «Архива братьев Тургеневых». Канва этого путешествия такова. Александр Тургенев и Андрей Кайсаров выехали из Геттингена после весеннего семестра 1804 г. через Лейпциг, Дрезден и Бауцен. Они прибыли в Прагу, а затем в Вену. Далее они посетили Офен, Будапешт, с 23 сентября по 15 октября пробыли в Карловице. Посетив ряд городов и местечек в славянских землях (Фружскую гору, Землин, Кульпин, Дале), они через Аграм, Фиуме и Триест прибыли в Венецию, после чего Ал. Тургенев через Вену поехал в Россию (А. Кайсаров снова поехал в Геттинген).

Возвращение на родину не принесло Александру Тургеневу радости. Уже отрезвленный смертью любимого старшего брата, он нашел дома умирающего отца.

В 1806 г. он поступил на службу в канцелярию товарища министра юстиции Н. Н. Новосильцева, бывшего в первые годы царствования Александра I членом «негласного комитета» при императоре, а вскоре вслед за тем получил также место помощника референдаря первой экспедиции комиссии составления законов. Рекомендация Шлецера, не использованная по прямому назначению, не только по нежеланию родителей, но и потому, что Александр Тургенев сам не хотел замыкаться в узкий академический круг или круг университетской профессуры, обеспечила ему внимание высших петербургских кругов и веское служебное положение. Он быстро шел в гору как благодаря ряду параллельных рекомендаций, шедших и от отца, пользовавшегося уважением при дворе, и от Я. И. Булгакова, о котором речь будет впереди, и от многих других лиц, так и благодаря своей исключительной общительности. Особенно выигрышна была для него поездка в свите Александра I в главную квартиру, в эпоху тильзитского свидания (это было на второй год его служебной карьеры).

Дальнейшее движение Александра Тургенева по службе таково. С 13 сентября 1810 г. он был директором департамента духовных дел иностранных исповеданий, с 9 апреля 1812 г. — помощником статс-секретаря Государственного совета по департаменту законов, с этого же года — членом и секретарем Библейского общества, с 4 мая 1812 г. — членом совета комиссии составления законов, с марта 1816 по 29 августа 1818 г. — исправляющим должность статс-секретаря департамента законов.

Ближайшим другом Тургенева наряду с Жуковским был поэт П. А. Вяземский, приятель Пушкиных, Жуковского и их литературных друзей. Дружба эта начинается с 1812 г. и без минуты охлаждения продолжалась до последних дней Тургенева. Тургенев и Вяземского сблизили общие литературные интересы и сходство их литературных и общественных позиций. Никогда не жившие в одном городе, лишь изредка, наездом встречавшиеся с глазу на глаз, они провели всю жизнь в непрестанном общении. Это — явление нередкое в начале XIX века, когда письмо служило не только средством личного общения, но и средством ознакомления с современной общественной жизнью, заменяющим регулярную прессу. Будучи средством ознакомления с жизнью, переписка часто привлекала к себе главные душевные силы. Эпоха эпистолярных романов была также эпохой эпистолярной дружбы. Такую эпистолярную дружбу находим мы и между Александром Тургеневым и Вяземским.

Значение частной переписки в жизни Александра Тургенева неизмеримо выше, чем в жизни любого из его современников, любого из его корреспондентов. Вяземский, Жуковский были поэтами, и их творческая мысль выражалась далеко не только в беседе с друзьями. У Ал. Тургенева письмо и дневник стали главной формой выражения творческой мысли. Между письмом и дневником решительной грани у него не было. Письмо свое он рассматривал как живой элемент в непрерывном потоке корреспонденций, мыслившихся им как связанное целое и подлежащих в дальнейшем какой-то обработке. Письмо было страницей из дневника, отправленной к другу. Эти страницы должны были нередко обойти целый ряд друзей, живших иной раз в разных городах, и затем остановиться в месте постоянного хранения. Постоянная тургеневская фраза «По прочтении отправь к сестрице» имеет именно это значение.

Мастер эпистолярной речи, Тургенев был наблюдателем-хроникером современной жизни. Оценку этой хроники, которую он вел всю жизнь в дневниках и в письмах к друзьям, мы найдем ниже в отзыве Пушкина.

Дружба с Вяземским была главным, наиболее жизненным фактом для Тургенева в период 1806—1824 гг., т. е. в период его оседлой жизни в Петербурге и непрерывной и беспокойной административной деятельности. Вяземский же впоследствии дал ему наиболее яркую и всестороннюю характеристику. При этом редкой отличительной чертой Александра Тургенева было то, что все решительно, с кем ему приходилось сталкиваться, — свои и чужие, знакомые и незнакомые, — получали и записывали о нем совершенно сходные впечатления. Всех всегда поражала его сверкающая жизненная сила, его неиссякаемый интерес ко всему на свете. Едва ли кроме него существовал человек, которого бы одинаково принимали и оценивали все от Карамзина до Вальтера Скотта и Герцена. Только архимандрит Фотий да

Вигель, верный себе в своем неизменном злословии, дали об Александре Тургеневе очень неблагоприятные отзывы.

Перечисляя характерные явления ушедшей Москвы, Герцен вспоминает о том, как «молодой старик» Ал. И. Тургенев мило сплетничал обо всех знаменитостях Европы от Шатобриана и Рекамье до Шеллинга и Рахели Ворнгаген («Былое и Думы», ч. IV, гл. XXX («Не наши»), разд. 2). Упоминая об Ал. Тургеневе в числе «не наших», чужих, людей иной эпохи, иного стана, Герцен отметил словами «молодой старик» его юношескую свежесть, сохранившуюся до шестидесятилетнего возраста.

Вяземский характеризовал Ал. И. Тургенева в следующих изумительных по яркости и образности строках. «Целый день был он в беспрестанном движении, умственном и материальном. Утром он занимался служебными делами по разным ведомствам официальных обязанностей своих. Остаток дня рыскал он по всему городу, часто ходатаем за приятелей и знакомых своих, а иногда и за людей, ему совершенно посторонних, но прибегавших к посредничеству его; рыскал часто и по собственному влечению, потому что в натуре его была потребность рыскать... Он был деятельным литературным корреспондентом и разносителем в обществе всех новых произведений Жуковского, Пушкина и др.

...Деятельность письменной переписки его изумительна... Спрашиваешь: когда успевал он писать и рассылать свои всеобщие и всемирные грамоты? Он переписывался и с просителями своими, и с братьями, и с друзьями, и знакомыми, и часто с незнакомыми, с учеными, с духовными лицами всех возможных исповеданий, с дамами всех возрастов, различных лет и поколений, был в переписке со всей Россией, с Францией, Германией, Англией и другими государствами... В фолиантах переписки и журнала его будущий историк нашего времени, от первых годов царствования Александра Павловича до 1845 г., найдет, без сомнения, содержание и краски для политических, литературных и общественных картин прожитого периода» («Старая записная книжка», 1929, стр. 174, 183).

В 1839 г. Б. М. Федоров написал прекрасную стихотворную характеристику Ал. И. Тургенева, секретарем которого он состоял раньше. Все те черты его, которые современники наперебой стремились засвидетельствовать, сведены в «Портрете» в один целый и яркий образ.

Отмечая необыкновенную насыщенность его жизни и широту охвата, автор называет его «любителем всех знаний», который «один сто жизней прожил». «Иной не высмотрит и в год, что он увидит в сутки»; «во всех столицах у него свои есть кабинеты»; он — «проситель за нищету» и «гонитель гонителей».

Влюблен в писателей с умом
И, странствуя всеместно,
Со всей Европою знаком,
Все знает, что известно.
У Вальтер-Скотта он живал,
С Кювье он подружился,

У Гете гостем пировал,
 У Гумбольдта учился;
 С Шатобрианом вечером
 У Рекамье прелестной, —
 Всем знаменитостям знаком
 И гость везде любезный.
 И с Ламартином он ездил,
 Знавал друзей Байрона,
 На бале в Риме танцевал
 С сестрой Наполеона.
 Прах Пушкина отвез во Псков,
 Через месяц он в Париже,
 А там, у шведских берегов.
 К родимым снова ближе...
 Он Русь в лицо не хвалит,
 Но в стороне чужой всегда
 Родное чтит и славит.
 Знакомит с русской стариной
 И с молодым талантом,
 И с музой Пушкина златой,
 И с ветхим фоллантом...
 Он слушать проповедь спешит
 И к лекции поспешит,
 Двух-трех посланниц посетит,
 К больной зайти успеет;
 Оттуда он еще выйдет
 В палату депутатов,
 К Гизо или к Тьеру на обед.
 На бал аристократов.
 На двух балах, на трех балах
 Он в вечер промелькает,
 Но не забудет о друзьях —
 Там полночь провожает.
 И полусонный едет спать,
 С рассветом чтоб проснуться,
 И прежде чем свой день начать,
 На прошлый оглянуться.
 В одном письме он пишет к трем,
 Друзей не забывая,
 Сближает их своим письмом,
 Делиться заставляя...
 И между тем готов бежать
 На помощь сирым, бедным,
 За них просить и умолять
 И докучать надменным.

Член «Арзамаса», нередко собиравшегося в его доме, и друг всех писателей-«карамзинистов», Тургенев был заботливым пестуном молодого Пушкина. Он хлопотал об определении его в Царскосельский лицей в 1811 г., заботился о нем в годы его жизни в Петербурге по выходе из лицея, хлопотал за него в 1820 г., когда над ним нависла угроза ссылки в Соловецкий монастырь, и устраивал его перевод от Инзова к Воронцову в 1823 г. Хлопоты и заботы о Пушкине — яркая страница в огромном ряду его хлопот о поэтах, чиновниках, вольноотпущенных дворовых, и т. д., и т. д., говорящая о том, насколько плодотворна была эта малозаметная сторона деятельности Тургенева-ходатая.

Тургенев был для молодого Пушкина не только ходатаем, но

и старшим товарищем. Обеспокоенный образом жизни необыкновенно одаренного юноши, Тургенев требовал от него зрелого сознания ответственности перед своим творческим призванием. Письма к Вяземскому 1818—1820 гг. служат отголоском этих забот и несомненного воздействия, которое авторитетный в пушкинском кругу Ал. И. Тургенев не мог не оказывать на молодого поэта.

В 1817 г. Пушкин написал «Послание Тургеневу», служащее ироническим ответом на его дружеские наставления:

Тургенев, верный покровитель
Попов, евреев и скопцов,
Но слишком счастливый гонитель
И сузиков, и глупцов,
И лениности моей бесплодной,
Всегда беспечной и свободной,
Подруги благодатных снов!
К чему смеяться надо мною,
Когда я слабою рукою
По лире с трепетом вожу
И лишь изнеженные звуки
Любви, сей милой сердцу муки,
В струнах невонких нахожу?
Душой предавшись наслаждению,
Я сладко-сладко задремал.

Один лишь ты с глубокой ленью
К трудам охоту сочетал;
Один лишь ты, любовник страстный
И Соломиной, в креста ¹,
То ночью прыгаешь с прекрасной,
То проповедуешь Христа.
На свадьбах и в Библейской зале,
Среди веселий и забот,
Роняешь Луину на бале,
Подъемлешь трепетных сирот;
Ленивец милый на Парнасе,
Забыв любви своей печаль,
С улыбкой дремлешь в Арзамасе
И спишь у графа де-Лаваль.
Носишь мучительное бремя
Пустых и тяжких должностей,
Один лишь ты находишь время
Смеяться лениности моей.

Не вызывай меня ты боле
К навек оставленным трудам,
Ни к поэтической неволе,
Ни к обработанным стихам.
Что нужды, если и с ошибкой,
И слабо иногда пою?
Пусть Нинета лишь улыбкой
Любовь беспечную мою
Воспламенит и успокоит!
А труд и холоден, и пуст:
Поэма никогда не стоит
Улыбки сладострастных уст.

¹ Креста, сиречь не Анненского и не Владимирского, а честного и животворящего (примечание Пушкина).

Это послание одновременно раскрывает важнейшую страницу в биографии Ал. И. Тургенева, в истории его отношений с Пушкиным, и вместе с тем служит неповторимой характеристикой живого Тургенева. Ответ Пушкина не умаляет значения забот Ал. И. Тургенева о нем. Подняться до высот пушкинского образа Тургенев не мог, да этого образа в реальной действительности еще и не было. Перед Тургеневым был еще гениальный мальчик, слишком легко отзывающийся на всякие житейские импульсы, не хранящий от самого себя своего дарования. Тургенев был прав, стараясь ввести в рамки его поведение.

Не понимал Ал. Тургенев и политических суждений Пушкина. Радикализм оды «Вольность», написанной у Тургеневых на Фонтанке, и других политических стихотворений, в которых Пушкин далеко опередил свою эпоху, должен был казаться современному представителю дворянского либерализма, хотя бы и передовому, гипертрофированным вольтерьянством, практически бесплодным, а для автора рискованным¹. Неуклонный критик безобразных политических нравов аракчеевской России, Тургенев искал путей к их преодолению, но оценить радикализм Пушкина не мог.

Сохранилось несколько писем Пушкина к Ал. И. Тургеневу, свидетельствующих о том, что поэт понимал ту роль, которую «верный покровитель» играл в его жизни. Одно из них, от 1 декабря 1823 г., написано после перевода Пушкина из Кишинева в Одессу.

«Вы помните Кипренского, который из поэтического Рима напечатал вам в С[ыне] От[чества] поклон и свое почтение. Я обнимаю вас из прозаической Одессы, не благодаря ни за что, но ценя в полной мере и ваше воспоминание и дружеское попечение, которому обязан я переменою своей судьбы. Надобно подобно мне провести 3 года в душном азиатском заточении, чтоб почувствовать цену и не вольного европейского воздуха. Теперь мне было бы совершенно хорошо, если б не отсутствие кой-кого. (Пишу стихи, уже не думая о цензуре.)» Когда мы свидимся, вы не узнаете меня, я стал скучен, как Грибко, и благоразумен, как Чеботарев. [Далее следует стихотворная цитата из Д...]

Кстати о стихах: вы желали видеть оду на смерть N [Наполеона]. Она нехороша. Вот вам самые сносные строфы:

Когда надеждой озаренный... [и т. д.]

Эта строфа [последняя] ныне не имеет смысла, но она писана в начале 1821 года — впрочем, это мой последний либе-

¹ Ср. цитату из неопубликованного письма Ал. И. Тургенева к Жуковскому от 12 ноября 1817 г., приведенную в комментарии Б. А. Модзалевского к письмам Пушкина, изд. 1926 г., т. I, стр. 191.

² Зачеркнутые строки из черновика.